

СИБИРСКАЯ

II-й годъ изданія.

Иркутскъ. Вторникъ 7-го іюня 1911 г.

Газета общественная, политико-экономическая и литературная.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕДНЕВНО.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой.

Цѣна объявленій:

	Годъ.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
Внутри Имперіи	7 р.	4 р.	2 р.	75 к.
За границу	12 р.	7 р.	4 р.	1 р. 50 к.

За строку петита впереди текста—20 к., позади—10 к.
Годовья и мѣсячн. объявленія по соглашенію съ конторой.
Ищущимъ труда дѣлается большая уступка.
Иногороднія объявленія печатаются по десять коп. за строку петита позади текста, на первой страницѣ цѣна двадцать пять коп.

Цѣна номера въ розничн. продажѣ 5 коп.

Редакція и контора газеты помѣщаются въ домѣ Розень по Пестеревской ул.

Редакція для переговоровъ открыта съ 10 час. утра до 3 час. дня; контора открыта съ 9 час. утра до 6 час. вечера. Объявленія послѣ 6 час. вечера могутъ быть сдаваемы въ типографію Макушина и Посохина, Большая ул.

Объявленія отъ лицъ, фирмъ и учреждений, живущихъ или имѣющихъ свои главныя конторы или правленія повсемѣстно въ Россійской имперіи и заграницей, принимаются исключительно въ центральной конторѣ объявленій Торговаго дома Л. и Э. Мейцль и К-о Москва, Мясницкая, д. Сытова и въ его отдѣленіяхъ: въ С.-Петербургѣ, Морская, 11, Варшавѣ—Краковское предмѣстье, 53, Парижѣ, 8, Площадь Виржи.

МЫСЛЬ

Основана въ 1910 г. товариществомъ на вѣрѣ „Сибирская Мысль“.

№ 142.

Театръ и музыка.

Гастроли В. Н. Давыдова.

„Горе от ума“ — Грибоедова, „Жизнь-ба“ и „Ревизор“ Гоголя.

Последнія два гас... славаго и заслуженнаго кирифея русскаго театра В. Н. Давыдова дали возможность видѣть его въ неизвѣстныхъ образахъ великихъ произведений нашихъ родныхъ гениевъ. Но чрезвычайныя ли ожидания „чужестранца“ снмненнаго артиста, достигшаго въ возрастѣ и наружности, мало подходящіяе наврѣхъ къ ролямъ Подколесина, а только впечатлѣніе на было полнаго, вынутающаго и изумляющаго.

Роль Фаусова считается одной изъ неровныхъ ролей артиста, такъ же какъ и роли Расплюева и Городничаго И действительно, Фаусовъ-Давыдовъ въ отдѣльныхъ мѣстахъ поражаетъ богатствомъ техники, чувствомъ шри, большою вдуичностью и глубокимъ пониманіемъ. Но въ целомъ остается впечатлѣніе какой-то неудовлетворенности, разочарованія. Слишкомъ ужъ много у артиста профессионализма въ Фаусовѣ добродушіе и мягкость.

Т. е. чертъ тоги и свойственнаго отчасти Фаусову, но не вполне еще истеричающаго, такую яркую и пѣльную фигуру московскаго барина съ его несправедливыми возмущеніемъ въ словахъ Чацкаго, его враждебными отношеніями по всякимъ дѣликамъ и идеямъ, съ его дерзостностью отца, самоуверенностью и самодовольствомъ старосты, льстеца и лицеѣра передъ Скалозубомъ и безликого подполковна княгини „Марьи Алексѣевны“.

Добродушіе и мягкость красной чертой прошли черезъ всю роль Фаусова и при блестящихъ отдѣльныхъ сценахъ (сцена съ Чацкимъ во 2 актѣ и др.) оставили въ некоторую односторонность.

Мягкое добродушіе и мягкость зато оказались совершенно на своемъ мѣстѣ въ роли Подколесина. „Тюлень“ по добродушно-алобову заѣзжанинъ Качкарева въ исполненіи Давыдова оказался живымъ и яркимъ образомъ, какой могъ создаться только безсмертныи Гоголемъ, а воплотить этотъ образъ — В. Н. Давыдовъ.

Городничій-Давыдовъ опять былъ добродушнымъ и мягкимъ человѣкомъ, что ужъ довольно мало вышло съ характеромъ Сквозинна-Духанинскаго. Но въ то роль была такъ отдѣлена въ детъ лая, такъ блестяще техникой, продуманностью, что совершенно прижираетъ съ этими дефектами добродушія у „нилаго“ городничаго.

Въ некоторыхъ мѣстахъ были прямо поразительны по своему впечатлѣнію. Напримеръ, когда Городничій поддерживаетъ завравшагося Кластакана, споткнувшись о стулъ при фразѣ „Мои завтра, сейчасъ же промадутъ въ фельдмарш.“ Такую богатую технику и поразительную интонацію, въ которыхъ до мельчайшихъ подробностей отразилась бы вся поэтика исполнителя и растеряющагося градоправителя — можно встрѣтить только у большого таланта и вдуичнаго художника.

Особенно замѣчательна заключительная сцена городничаго въ послѣднемъ актѣ, когда опешивающій раскрытыхъ истинамъ, онъ бѣдетъ себя въ грудь и произносить знаменитыя слова о „соулактъ мальчишкѣ“, проведшемъ старика Коробья, оставшаго въ дуръ-мѣхъ самого Сквозинна-Духанинскаго. И нуде всего страшить его, что „какой забудь букагоарателъ“ изобринить его, городничаго, въ „жоркостной“ комедіи и опочорить на гѣхъ.

Въ зрительномъ залѣ раздались смѣхъ. Слишкомъ живыми показались горе одурчающаго градоправителя.

— „Чему смѣетесь? Надъ собой смѣетесь!“
Эти слова были сказаны Давыдовымъ съ такой злобой горькой ироніи смѣшного и обманутаго человѣка, что смѣхъ моментально затихъ въ залѣ. Наступила мертвая тишина.

И быть можетъ, поняли смѣявшіеся зрители, что этими словами обращался къ залѣ „сѣхъ съвою слезы“ самъ Николай Васильевичъ Гоголь, поняли быть можетъ то страшное, что таится въ смѣхѣ, быть можетъ, почувствовали, что имъ обманути не только, чѣмъ самъ городничій, но и почувствовали незабвенныя слова Пушкина, сказанныя у него Гоголемъ:

— „Боже, какъ грустна наша Россія!“
Вспомни, что гласилъ у В. Н. Давыдова языкъ хоршій.

Но отдѣльныхъ блестящихъ исполнителей, кроме выдающагося Петрова, въ труппѣ нѣтъ.

Недуренъ, но въ общемъ блѣдноватъ и маловыразителенъ въ главной и крайне отвѣтственной роли Кластакана г. Владиміровъ.
Очень хороши Осипъ (г. Петровъ).
Тускла и мало типичны, но въ общемъ не пор-